

Сегод'я

сегод'я

мира

Врагунин

Псапелс

18+

Владимир Псарев

**Седое сердце мира.
Сборник прозы**

«Автор»

2021

Псарев В. Е.

Седое сердце мира. Сборник прозы / В. Е. Псарев — «Автор»,
2021

Этот сборник художественной прозы вобрал в себя рассказы, иллюстрирующие путь преодоления несовершенства мира, чьё седое сердце бьется даже в самые тёмные времена, когда поиски светлого и вечного заходят в тупик.

© Псарев В. Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глаз на асфальте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Псарев

Седое сердце мира. Сборник прозы

Глаз на асфальте

25 декабря 2058 года.

Огромный дом за пределами большого Красноярска словно Оптина пустынь. Моя страна чудес на сибирской реке. Рождественская ночь кусает карниз. Свет гирлянды советской, с трудом, как и все мы, дожившей до этих лет, возвращает в детство, где так хотелось мечтать. В те года, где эти лампочки казались звездами, тысячи лет несущими свою жизнь даже после своей гибели. И, кажется, эту гибель мы всё же ощутили. Я сижу перед камином с закатанными рукавами. На правой руке татуировка, не потерявшая с годами своей актуальности, а на левой застарелые рубцы шрамов, напоминающие, что когда-то я был беззащитным. **"Нет слов для чувств"**. Чернила в коже выцвели, но не люди. Камин поет песню печальную, а ветер в трубе дополняет ее веселыми мотивами. Дом мне нравится. Дом полон родных. Две мои дочери и их матери. Старые подруги и друзья. Я смотрю на седеющие виски некогда совсем маленьких девочек и мальчиков. У всех уже свои внуки. Они тоже здесь. На диване под пледом засыпает невысокая кудрявая женщина. Она на пару лет младше, и когда-то привела меня в эти края. Неужели это было 40 лет назад? Она так много смеялась, что сейчас у нее морщин больше, чем у остальных, а тогда... Фонари за окном внутрь Вселенной линзами вогнуты. Добрая тоска. Детям давно пора ложиться, но их никто не может уложить спать. Жена толкает меня – она слишком щепетильно заботится о своих внуках. – Оставь их, солнце. Главное, чтобы им самим нравилось. Самый младший из внуков подбегает и просит меня рассказать еще раз, как стать таким же большим, какими стали мы с бабушкой и нашими забавными приятельницами. Все улыбаются, но от новогоднего света в глазах блестят слёзы. – Сейчас мой герой усталый со всеми вас познакомит.

Отмороженное давно не болит. Я еще тогда всё это записал, но пересказываю им детскую версию нашей хроники раз за разом, и буду делать это до тех пор, пока во мне не умрёт человек. Пока за ребрами окружающих меня женщин, взявших чувства как инъекцию в шприц, бьется седое сердце мира. Бокал скользит в потной ладони. Вино шепчет, что эта ночь, как и тысячи до нее, не вечна, и скоро всех вомнёт в себя седой мрамор. Я вспоминаю лучшее из времён. Тогда инициатива победила разум, и разум ей за это благодарен. Память стонет, как сталинградский снег, и, конечно, я бы всё повторил. И, конечно, снова по локти изрезался бы.

Счастье – постепенный процесс, и счастье складывается из отдельных людей, маленьких и больших событий и отношения к **задачам**. Перематываем.

Нечем гордиться?

Сентябрь 2021.

Каждый новый день – мрак и бесконечный абсурд, но нужно лететь. Вернуться бы в ту холодную зиму, извлечь суть. Плохо, что Патрик уже не помнит, кто такой Герман.

Засыпаю – стигматы болят. Просыпаюсь – в зеркале вижу отца. Сажусь за письменный стол, как на электрический стул. В конечном счете всё конечно, но осень дарит желание писать

и пытаться перекричать мысли в чужих черепах, таскающих тела по распродажам в поисках летней одежды. Что это – жадность или надежда? Да и Бог с ним с этим искусством. Есть что-то поважнее. Родные мертвецы тянут ко мне пальцы, как старики к советским наградам. Ну что, пишем?

Я – обязательство. Много ли знают обо мне? А много ли запомнят, если расскажу?

Мы рождаемся *gas a tabula*, а дальше по Клайву Льюису. Жизнь расписывается на нас своим корявым почерком, а мы расписываем кожу рисунками, пряча за ними внутренний конфликт. С точки зрения социальной психологии мы стартуем из одной точки, затем среда нас отшлифовывает: алмаз становится бриллиантом только после огранки, а перед этим алмаз, в свою очередь, должен пройти горнило.

Но иногда поиски себя и разумного-вечного заходят в тупик. Человеку выпала удача стоять на высшей ступени эволюции, но, если нет выхода, он готов стоять на ней коленях. Депрессия и экзистенциальный кризис сродни диабету. Сначала ты чувствуешь первые симптомы, но пройдут какие-то недели, и каждая минута превратится в борьбу с тем, что будет подсказывать, что только один исход есть из этого состояния, и он летальный, потому что терпеть этот тревожный ад ежеминутно станет невыносимо. Это состояние не будет давать просыпаться по утрам и засыпать ночами.

Ты будешь понимать, что жить здорово, но от одних мыслей легче не станет. Центробежная сила сносит и сносит тебя, боль становится физической, и ты просто надеешься, что ремиссия наступит. Депрессия и потерянности вырабатывают толерантность к радушию и побеждают в двух случаях: когда убивают тебя или системно убивают сочувствие к чужой боли. И последнего я боюсь еще больше. И говорю это для тех, кто с этим столкнулся. И для себя.

Хвастаться новыми покупками – здорово и умно, а делиться болью или надеждой – посмешище. На этих страницах, возможно, не всё окажется приятным. Но осознанное принятие победы, в том числе и над собой, достигается лишь спокойным признанием всех фиаско на пути к ней. Это правило работает не хуже законов физики.

Придется вернуться назад, чтобы что-то исправить. Хотя бы во имя эстетики. Ну, как исправить? Примириться, осознав, что исправить ничего нельзя. И найти ту ступеньку, о которую когда-то запнулся. Так давно, что уже почти забыл об этом.

Выбор ведь очень простой: измениться, сломаться или компенсировать. Средний вариант мне не подходит, а измениться – это признаться самому себе в собственных грехах. Видеть эмоции только чужими глазами, как Илья Найшуллер, конечно, проще, но так это не работает. Измениться – это подетально изложить историю, лишив ее творческих изысков. Но я слишком долго компенсировал, поэтому изысков здесь по-прежнему много, но теперь только речевых.

Разобравшись, не запомнить бы всего этого в священном безобразии старости. Путь из мрачных подземелий **Мории** к **жерлу Ородруина** будет длинным, поэтому можете смело распаковывать лембас и разливать эль из **Шира**. Это дайджест, будто принял тиопентал. Отмороженное не болит. Здесь все по канону, выявленному Джоозефом Кэмпбеллом. Я сознательно перегружу текст метафорами и аллегориями, но постараюсь ни разу не соврать, чтобы доказать, что теория о тысячеликом герое работает. За всё, что будет дальше, мне не нужно ни уважения, ни денег. Самое главное должно родиться в процессе. А началась сама история перед Новым, две тысячи восемнадцатым, годом. Итак, сонная стража тогда оказалась права: часы на старой пражской ратуше идут обратно. Возвращаемся в точку, где жизнь выходила в другую цену.

После первого снега.

Звенела пустота – никакой надежды. Вслед за нехарактерной для новосибирского декабря оттепели заскрежетала метель, казавшаяся первым снегом, покрывавшим застывающую осеннюю воду. Денег на развлечения совсем не осталось, но возвращаться в мрачное общежитие не хотелось. Душа требовала присутствия людей: молчаливых наблюдателей, суетливых муравьев, занятых своими делами и мыслями. В сетевом общепите я взял самое дешевое – американо, и уселся у окна. Мне исполнилось 20 лет, я получил новый паспорт, а жизнь – нет. Руку в карман, а там ничего. Только полмиллиона долгов в дешевой сказке. «Да, любил же ты, друг, людей удивлять широкими жестами. Теперь даже нечем заплатить рулевому последнего паромы, случись с ним встретиться».

Всё всегда начинается с малого, поэтому верил: настанут времена, когда горчичное зерно прорастет сквозь засоленную почву. А пока я чувствовал только безумную усталость от того, что не могу ничего исправить прямо сейчас. Встать на дыбы посреди этой забегаловки и перевернуть мир. Хотелось, чтобы большая история началась здесь и сейчас.

В те года не потеряться на просторах интернета было намного проще, чем сейчас, и глаз еще хоть немного успевал сфокусироваться на малозаметных людях. Где-то в глубине уже становившихся бесконечными социальных лент отыскалась симпатичная девушка, пытающаяся петь. Звали ее Анастасией, но полным именем она просила себя не называть, поэтому не будем. Прекрасный голос и вызывающая уважение искренность. Даже наивность. Что-то по-человечески зацепило, и я до сих пор не могу разобрать, что именно. Я не писал до того дня неизвестным людям, не пользовался никакими сайтами знакомств и специально не искал друзей. Оказалось, что она из Красноярска, в котором я уже бывал, и до которого рукой подать.

Неожиданно завязавшийся диалог ускорял томный вечер, и кофе я допивал уже холодным. На следующий день мне предстояло выдержать экзамен. Каюсь: не помню наверняка, чем меня тогда мучил исторический факультет. Соответственно, содержания предмета я не помню тоже. Больше волновал первый в моей жизни самолет, на который еще предстояло успеть сразу после закрытия зачетной недели. Ввиду катастрофического отсутствия денег такси я себе позволить не мог, но судьба столкнула меня с незнакомой до того момента сестрой по несчастью – студенткой первого курса факультета естественных наук, которая согласилась разделить со мной плату.

Вживую я увидел Лилию – так ее звали – как раз на крыльце студенческого общежития перед самым выездом. В дальнейшем, дабы избежать путаницы (еще поймете), я буду называть ее **Лильен**. Она показалась мне намного старше: суровый восточный взгляд из-под капюшона, натуральные черные волосы, очень плавные движения и хорошо поставленная речь. Я точно помню время: двадцать минут пятого двадцать восьмого декабря. Я чудом успел завершить все дела в университете, ужасно запыхался, пребывал в шоке от успешной сдачи предмета, в котором не разбирался, и с мыслями был не собран. Мне совестно производить такое первое впечатление, ведь второго раза, как верно замечено классиками, может не представиться. Тогда я еще дрожал над своей репутацией, считая оную залогом успеха, но именно Лильен все почувствовала и тут же объяснила, что нужно один раз репутацию испортить, чтобы больше о ней не переживать и просто жить. Мы целый час, пока ехали из Академгородка в Толмачево, разговаривали обо всем на свете: хорошо помню, как девушка обильно сыпала терминами из области биохимии. Существо она для меня совершенно инопланетное, познав морфологию которого я словно надеялся понять самую суть этого фаустоподобного мира.

Уже в Сургуте я показывал всем друзьям фотографии новой знакомой и гордился тем фактом, что она всем понравилась. На какое-то время я успел забыть о Насте из Красноярска. Мимолетное знакомство могло им и остаться, но роль, предначертанную человеку в твоей

жизни, ему не миновать. Она сама о себе напоминала, и о ней напоминали рекомендационные алгоритмы социальных сетей. В январе, оказавшись по работе в Кемерово, а работал я тогда обычным экспедитором на половину ставки, я занял еще немного денег (да-да) и специально уехал в Красноярск. И Настя, и Лильен вызывали у меня не столько мужской интерес, сколько общечеловеческий. Странно признаваться: парень в самом расцвете юношеских лет хочет женщину исследовать, а не ласкать. Здесь кроется первая поломка, сыгравшая в итоге для всех положительную роль.

При личном контакте Настя оказалась еще более прекрасным собеседником. Она – хамелеон, быстро подстраивающийся под общий тон беседы. Подобное психологическое явление – защитная реакция индивида, которого не принимали в детстве собственные родители.

Настя невысокого роста. 160 сантиметров или около того. У нее кудрявые волосы, которые она периодически искусственно вьет еще сильнее. В те года, так мило, ее бедра еще не обрели нынешнюю женственность, но было понятно, что ей предначертана крайне фактурная фигура.

Отец Насти относительно рано покинул мать. Точных деталей я не выяснил до сих пор. Да и привык я слышать все стороны конфликта, прежде чем комментировать, а с отцом мы так и не познакомились. Потому мне темно говорить об этом. В детстве мать ругала Настю за крошки. Настя старательно собирала их детской ладошкой со скатерти. Мама намазывала малиновое варенье на хлеб с маслом. Настя росла. Пришла первая овуляция. Мама продолжала намазывать ягоды. Вечна лишь первая любовь, а держать мальчика за руку оказалось неуместным. Но любовь закручивает подол, и без нее свет теряет краски. Он больше не ложится красиво на кухонный стол, с которого Настя сметала хлеб. Сейчас Настя выросла и теперь ей самой в пору стать матерью, но она плохо понимает эту жизнь. У воспитания советское лицо.

– А еще у меня старшая сестра есть, так та вообще смешная. Мы издеваемся над ней, – Настя заявила это таким тоном, что за сестру – Лизу – даже не стало ни капли обидно.

В ее иронии не было колкостей, в надежде не было зависти. Нечто доброе и наивное стало сквозным обертоном диалога. Все ее записи в интернете обрели новые краски. Очевидно, что Настя действительно во всё верила и любила жить:

– Я на этом свете первый раз, поэтому не обижайся, – будет повторять она еще много раз.

Зима входила в полную силу. Заснеженные трассы меня больше не утомляли. Они теперь казались занятным приключением – частью пути к интересным собеседникам. В Новосибирске можно сходить в кино с Лильен, в Красноярске попить кофе с Настей. И, если последняя очень быстро вводила меня в курс своей жизни, успев познакомить почти со всеми своими друзьями по музыкальному училищу, то первая не спешила меня знакомить даже с собой.

Лильен много разговаривала. Очень много. Но часто ее ответы шли «около», то есть оставляли пространство для игры воображения. Иной мужчина давно бы устал пытаться вытянуть чувства из странного субъекта противоположного пола, и обратил свой взор на человека, полностью открытого, но я отнесся к этому как к сбору, надо признаться, очень красивого пазла.

Временами Лильен пропадала. Нет, не физически: замыкало нейронные связи, и общение становилось очень формализованным. Общению иногда, как это часто бывает, мешала ее феноменальная трудоспособность. Такая, когда человек ни на чем не может сфокусироваться, кроме как на саморазвитии и построении полезных для достижения профессиональных целей связей.

В марте мне пришлось провести целую спецоперацию, чтобы неожиданно поздравить Лильен с Днем Рождения. Я бегал пешком по всему Академгородку и на последние деньги частями собирал всё, что хочу подарить, а потом, обвешанный кучей этих прелестей, дежурил чуть ли не на самом видном месте в университете. Конечно, я ее напугал: сначала стоял в неловком положении сам, а затем приговорил к нему и девушку. Но спустя время Лильен

признается, что именно в тот момент осознала, что случайный знакомый в ее жизни всерьез и надолго.

С того дня, как издалека сейчас видится, я и начал собирать то, что позже назову «татарским каганатом». Лильен – татарка сибирская, иначе тюменская, а Настя – уральской семьи, иначе челябинской. Той же весной Настя познакомила меня с самыми главными, по ее собственным словам, студентками своего дирижерского отделения.

Первая из них – Алиса. Астраханская татарка из Улан-Удэ с яркими глазами, каштановыми прямыми волосами и полным отсутствием каких-либо ярко-выраженных комплексов. Стройная. Не знаю почему, но в общем потоке сиюминутных знакомств я снова выделил одного конкретного человека. Сам того не предполагая, близкую дружбу с Настей ей навязал именно я. Да, знакомы они были давно, но я раскрыл человека с другой стороны. Оказалось, что с противоположным полом мне общаться намного комфортнее.

Вторая – Маша. Всегда самая светлая во всех смыслах (ее татарские корни удачно «разбавила» бабушка-украинка) и самая добрая из нас. Но была одна проблема. Несмотря на дорогие украшения, притягательный взгляд и даже дружбу с высшим руководством Красноярского края, она оставалась на публике крайне закомплексованным ребенком, который выглядел уверенно, только когда молчал.

Идея осознанно заняться персональным творчеством, кто каким может, принадлежала именно Алисе. Надо отдать ей должное, но ни она, ни я, ни кто бы то ни было еще понятия не имел, что для этого придется делать. Творить – это половина дела, но нужно реализовывать. Однако именно Алиса заметила одну вещь:

– У тебя неплохо получается общаться с людьми через тексты.

Лильен подтвердила:

– Текст – это твой коридор власти. Пиши и общайся.

Огромный трехсоттонный «Боинг» как-то незаметно прыгнул с полосы и накормил холодный апрельский воздух пылью. Форсажные камеры заворачивали пространство, искривляли картинку позади себя. Совершенное спокойствие. Трепет перед перелетами диктуется инстинктом самосохранения, и страх езды на лошадях тождественен боязни самолетов – ни то, ни другое ты не контролируешь. Ты доверяешь себя чему-то большему и надеешься, что это что-то тебя не убьет. И сейчас я уже вовсе не о самолетах. И не о лошадях. Начало мая я провел в Санкт-Петербурге, и, вернувшись, поистине оказался в стране творчества, и...

В стране женщин.

Алиса права: что я потеряю, если начну изливать душу на бумагу? Творчество виделось мне под другим углом. Пока нейросети создавали школьникам новых кумиров, мне хотелось жечь святыни нарождавшейся нездоровой культуры. Я противопоставлял себя всему модному, пока не осознал, что контркультуры не существует, потому что любой тренд – лишь точка зрения, и не более. Время от времени некоторые из них звучат чуть громче, но все элементы общественного сосуществования постоянно и имеют армии последователей. Но пока до принятия этого было еще очень далеко.

Я никогда не чувствовал себя уверенно в кадре, на сцене или даже во время выступлений на семинарах в университете. Зато я хорошо чувствовал себя, стоя за спиной и подсказывая, как было бы лучше. С одной стороны – это трусость, понимаю. С другой стороны – это приносило меньше вреда. Я сконцентрировался на написании душещипательных постов, статей, занимался рекламой и разработкой того, что принято называть контент-планом.

– Ты все еще не понимаешь, как монетизировать наш артистизм, но все еще делаешь это лучше нас, – вздыхала Маша.

Летом две тысячи восемнадцатого года Лильен пропала основательно: отвечала односложно, трубку брала через раз. Сама завела разговор об отношениях, хоть в них мы и не состояли, да никто этого всерьез и не планировал. Сказала, что пока не готова, и карьера намного важнее. Я не понимал, каким образом одно мешает другому, и сконцентрируюсь на неожиданности заявления. Это меня сильно задело в тот момент. Виду не подал, но сознание стало выписывать странные циркуляции: неудачные отношения год назад, в которых я оказался отвергнут без объяснения причин, а теперь такое: вроде бы и с объяснением, но от него не легче.

Осенью, когда на нас с девочками уже стали обращать внимание владельцы ресторанов, небольших клубов и иных уютных крохотных мест, где можно было спеть, и мы даже кое-где выступали, я женился. Женился быстро. Изначально я обрадовался новому человеку, компенсировавшему уязвленное самолюбие. Радовался, пока через полгода не понял, что сам стал компенсацией детских травм. Но эту историю я полностью опускаю, поскольку она почти никак не повлияла на происходящее. Моя жена не общалась ни с кем из моих друзей и знакомых, считая их людьми второго сорта. Все, кого жена ненавидела, пережили ее в моей жизни, поэтому правильно, что ими не пожертвовал в угоду браку, который, как я теперь понимаю, был обречен на распад. Едем дальше.

Неожиданно стали появляться деньги, получалось рассчитываться с долгами. В этом мире творчество либо без денег, либо без таланта, а когда это совмещается, то сначала теряешься. Чем еще себя мотивировать? Нужно было пройти это, чтобы деньги стали даровать спокойствие, а не ажиотаж. В конце ноября я уехал в отпуск в Петербург именно с Алисой. Настя осталась дома, отсыпаться и восстанавливать нервы, а мы поехали по казённым квартирам.

Поездка открыла мне, насколько Алиса надломлена внутри. Отсутствие комплексов не гарантировало ментального здоровья. Истерики начались именно на совершенно нейтральной территории: злость, алчность, зависть. Наружу полилось абсолютно всё. Это был единственный раз, когда Алиса показала себя такой. И это был единственный раз, когда она перебрала с алкоголем.

В одиннадцать вечера от Удельной до Парголово насыпи идут пустые вагоны. И ты здесь один на один со своими мечтами. В этот момент я впервые задался вопросом, зачем я хотел стать идиотом. Правда, зачем? На выходе ударила автоматическая дверь. Сонным дошагал мимо огромных однотипных высоток до своей коробки. Лифт завывал, перещёлкивая этажи.

В гостиной на столе лежал странный предмет – сама Алиса. Ваша сестра и дочь. Видимо, тяжелый вечер выдался – заметно это. Сдвинул стол и столкнул ее на диван, чтобы не разбудить. Поставил рядом стакан с минералкой на утро. В соседней комнате спят не менее подвыпившие друзья. Не помню, где пришлось отдыхать самому – вроде бы что-то постелил на пол, а под голову подложил чью-то куртку. Честно, не помню. Помню только то, что лежал и пытался представить, сколько сил нужно было Алисе, дабы подавить в себе внутренние вопросы, которые она очень четко и на повышенных тонах начнет формулировать уже утром.

И Новосибирск, и Красноярск – города относительно небольшие, поэтому разного рода культурная интеллигенция невольно вынуждена пересекаться. На одном мероприятии мы совпали со студентками новосибирского театрального института, зарабатывавшими тем же, чем и мы. Забавно было это осознавать, но не я первый, ничего не умея, стал продвигать начинающих артистов. Здесь ко мне проявила детский интерес совсем юная девушка с юга Сибири. Имя ее... Лилия. Надеюсь, теперь яснее, почему ее тезка с самого начала была обращена мной в Лильен.

Год как пошел четвертый срок Путина, закончился третий срок Фетисова. Я рассказывал каким-то идиотам, почти не слушавшим, в полумраке самой дорогой кофейни, как в 1612 году под Москвой остановили войска соотечественника моих исторических предков – Яна Лиса Сапеги. А Лилия жила в третьем общежитии Академии Госуправления на Мичурина (своего

общежития у Театрального не было), и сначала очень этого стеснялась. Она долго не разрешала мне ее провожать, и я переживал, отпуская девушку на перекрестке.

Только я сразу всё понял – сам так жил. Лилия прятала глаза, рассказывая, что не поступила в Петербург, потому что у неё не было денег даже на билет туда. Она отказывалась от ресторанов. Ей казалось, что её образ жизни не соответствует моим часам, телефону и пальто, и долго не могла поверить, что её душа соответствует моей, и больше меня вообще ничего не интересует. Бедного человека били, и он всё запомнил.

Общежитие казалось мне совершенно неподходящим для Лилии местом. Не той она душевной организации, чтобы делить этаж с разнузданными самцами, начинающими алкоголиками, девушками с заниженным чувством социальной ответственности и комбинациями этих и не более приятных ролевых моделей.

Странным образом ситуация развивалась с товарищами, работавшими со мной на одном поприще раньше. Окончательно работать экспедитором я бросил, когда появились первые деньги за тексты, но связь не прерывал. Необъяснимая череда несчастных случаев, сокращений и скандалов. Не люблю скандалы, поэтому в бытовые ссоры не вникал. Но то поле сильно поредело. Те, кто сохранил в себе силу для продолжения борьбы за комфортное существование, осваивали новые рынки.

Весной следующего года ребята получили грант от мэрии на обеспечение информационной безопасности каких-то госструктур. И уж не знаю, что там случилось с безопасностью, но ребята быстро пересели в новые машины и переехали в центр. Тот, кто считает себя умнее Господа Бога, часто оказывается глупее районной прокуратуры, и в один из солнечных апрельских дней друзья уехали в командировку в одну из иркутских колоний, откуда, кстати, до сих пор не вернулись.

Я был на том суде одним из свидетелей, и Лилию в тот же вечер вывез из общежития.

Она снова по-детски скромничала, но позже освоилась и по-женски хозяйничала в моей квартире. Теперь снова ходила на все занятия по актёрскому мастерству и участвовала в постановке новых студенческих спектаклей.

Мы не встречались. Просто у меня появилась возможность забрать ее к себе. От жены я ушел, перебрался на новый просторный адрес в центре Новосибирска и скучал по вечерам. Не в моих принципах было рушить крепкую дружбу или успешные деловые отношения романтическими сантиментами. Спустя несколько месяцев она съехала в свое собственное гнездо, неуклюже, но сугубо на свой вкус, все там обустроила. Я был рад за нее.

Затем нас стало больше. Маша привела некую Юлю. Сначала новая знакомая показалась мне странной: с кучей тайн, о которых не рассказывают. Отношения ни с кем у нее не складывались: ни с родителями, ни с мужчинами, ни с работодателями. Кто ее сделал такой? Наверное, мать. Удивительно, что мне она быстро открылась, но рад ли я был этому? Большой вопрос.

– Такую кучу комплексов во мне вырастили, что мне даже говорить о них сил никаких нет. И теперь лишь пытаетесь неосознанно ими пользоваться, – кричала она матери. – Если бы мне дали возможность выбирать, где родиться и где вырасти, никогда бы не выбрал то, что досталось.

Я стоял в дверном проеме и в полном шоке, мечтая, чтобы у меня из-под ног ушла земля. А Юля продолжала:

– Ты со мной хорошо общалась, только когда было все хорошо. А когда чуть плохо, то только добивала. Иди расскажи всем, что на твою дочь порчу навели. Когда у меня всё гладко, то это твоя заслуга только, а когда нет, то это демоны. И не веришь ты никому только потому, что сама завралась и запряталась по уши.

Вам приходилось делать моральные выборы? Я не имел права вставать ни на чью сторону, но внутри меня переполняло чувство несправедливости. Юля, скорее всего, во многом была

права. Поздно я это пойму. И поздно научусь не бояться принимать волевые решения ради спасения людей. Но об этом позднее.

Летом девятнадцатого года, когда мы с Настей, Алисой, Машей и Юлей уже полным ходом катались по городам, исполняя чужие песни, а брак мой развалился даже юридически, неожиданно в мою жизнь стала возвращаться Лильен. Сначала скромно, затем понаглее. В июле в Новосибирске мы всей компанией отправились отдохнуть в клуб, которого теперь уже нет, и именем которого я хотел назвать свой первый роман. Там мой острый язык, ранее доводивший нас до приятного, довел до конфликта:

– С тобой нам нечего делить. Особенно, если это твоя женщина, – незнакомое пьяное тело что-то хотело доказать.

Качественный вызов. Только не для меня. Эта фраза оказалась для Лильен лучше приглашения на спарринг. Подвыпивший выскочка оказался на полу быстрее, чем осознал свою опрометчивость. Уперся затылком в низ живота и что-то хрипел, пытаясь выпутаться из удушьящего треугольника. Вероятно, не в такой роли этим вечером он представлял себя меж женских бёдер. Я понимаю, что за поясом «Chanel» на хрупкой фигуре не видно черного пояса по тхэквондо. Даже я его долго не замечал. Еще секунд десять, и она «собственноножно» отправила бы обидчика к Исафили. Именно в этот момент я понял, что боюсь эту мадам. Забавно, что в этот же момент мне показалось неплохой идеей разжиться от нее ребенком:

– Она ведьма.

Раскорюченная княгиня татарского каганата. Дочь Тюмени и первозданного хаоса. То, что должно быть сказано, должно быть сказано, а что сказано, обязательно к исполнению. Я дождался, когда хрупкий лед под ногами Лильен хрустнет, и она упадет в мои объятия. Снова не как у людей. Я, будучи мужчиной, должен был ее защищать, и тем зарабатывать свой авторитет перед ней. Девушка защитила себя сама и пришла ко мне. Это как поблагодарить за спасение Бога, но забыть поблагодарить хирурга.

Нарисованный роман.

Пастбища Рохана. Мы продолжали развиваться. Я, обзаведясь полезными знакомствами, особенно в области фигурного катания, начал комплексно вести чужие социальные сети. Это работа сценариста, только в реальном времени. Настя захотела развиваться, почувствовав в себе талант писать стихи:

– Сколько можно чужое исполнять? Я тоже могу.

Мне пришлось научиться писать музыку. Всё мое музыкальное образование началось и закончилось любительской игрой на фортепиано еще в школе, но для электронных композиций пальцы не нужны. Только слух.

Инициатива победила разум и сыграла со мной на все мои деньги. Прямо с борта влетаю на сутки в студию лезть вверх по семплам. «Уже двадцать с лишним лет, а ты ничего не умеешь. Болтаешься, как септум. Да твою ж мать», – стегает меня уязвленное родителями самолюбие.

Принести себя в жертву синдрому самозванца показалось неплохой идеей. За неделю не набиралось и десяти часов сна:

– На рекорд идем, да?

Я сунул голову крокодилу в пасть, и я сейчас не про поло Lacoste. Это как раз случится еще позже. Пока же я кризисный менеджер под татарским флагом. Настя с полной отдачей за мной. Ещё немного, и мы оба поедem в рехаб в одну палату к известному Паше. Девушка цитирует его легендарные строчки, иронизируя над собственными трясущимися руками.

– Мы выспимся завтра, а это останется.

Она наконец засыпает прямо в кресле, и я, преодолевая боль в спине, поднимаю ее из максимально неудобного положения, чтобы переложить хотя бы на диван.

Не думаю, что я должен был быть этим состоянием доволен, но сейчас это видится иначе. Осталось только сонное:

– Где плед?

Иное эмоций не вызывает:

– Атланта? Это Красноярск, а не Атланта.

Я представлял, как за ее пышной грудью физически сокращалось сердце. На этом пути нет ничего сложнее, но это самое важное. Это помогает чувствовать, что ты – человек. Настя поспит три часа, придет Алиса с завтраком из «МакАвто», и мы пройдемся по детству. Из мечети за окном будет раздаваться утренний азан. Туман над Енисеем. Удивлялись, что где-то в перерывах успевали учиться. И даже без долгов.

Той же осенью Лилии из театрального поставили страшный диагноз – злокачественная опухоль головного мозга. Точную формулировку запомнил. Слабое сердце не позволяло проводить операцию. Я хорошо помню каждый сантиметр того дня. Очень оперативно выяснилось, что уже не выбраться, и стало страшно. Она приехала в этот город, чтобы остыть? Начались ежедневные сибирские корпоративы в больницах.

Именно с тех пор у меня окончательно закрепилась привычка передвигаться по городу преимущественно ночами, мало спать и постоянно пить кофе. И именно с тех пор моё лицо окончательно перестало соответствовать окружающей обстановке почти в любой ситуации. Теперь это моя неисправимая системная ошибка.

Тесно между детством и тестом на беременность. Можно воспринимать дословно, можно метафорично. Так я отвечаю всем, кто вообще никуда не торопится и не видит родных у себя под носом. А потом: «Дать бы нам хоть день с усопшими, мы бы успели всё, чего не успели за годы вместе».

– Мне что, забрать у тебя всех, чтобы ты смог ценить их? А, Малюта Скуратов?

По иронии судьбы, в эти же дни, когда я пытался как-то помочь Лилии, Лильен сообщила мне о том, что беременна. Вернее не сообщила, а начала снова прятаться. Но я не буду собой, если у человека не выясню, поэтому мне пришлось поймать ее. Снова. Только глядя мне в глаза, пока я держал ее за плечи, Лильен созналась.

Рождение ребенка никогда меня не пугало – я любил детей, и всегда хотел своих. Всегда хотел полноценную семью, которой у меня, как мне казалось, не было. Покупать игрушки, ставить новогоднюю елку, водить в первый класс – вот это вот всё. Но Лильен сломилась второй раз. Я ее чувствовал – это сложно принять, когда тебе всего двадцать лет. Мало того, что ты сам не успел стать взрослым, так еще и возможность реализовать профессиональные навыки буквально ускользает. А потенциал у Лильен виделся огромным.

Скажу только то, что со своей стороны я сделал для Лильен хоть и не всё, что мог, но намного больше, чем большинство мужчин. Материально я выложился полностью. Жильё, питание, одежда. Всё, что нужно в такой период. Как бы тому она ни сопротивлялась, я думал о ребенке. Ошибся в том, что думать нужно было о ней. Главное в семье – отношения родителей. Именно на них и строится поведение детей. И пусть до какого-либо поведения было далеко, но этому уже надо было начинать учиться.

В заключении брака Лильен мне благоразумно отказала. Мой внутренний мужчина оскорблен еще раз, но виду я не подаю. Теперь это моя отличительная черта, которую я начал формировать в процессе работы с женским коллективом – не показывать страха и обиды. Я словно сдавленная пружина.

Однако, нет. Тогда я всё-таки показал, что чувствую тревожное, но не Лильен. С Алисой и Настей мы уехали выпустить на дне какого-то резко потерявшего смысл города. Не помню,

куда все ушли со съёмных метров, но когда вернулись, я лежал на кафельном полу в гостиной. Просто лежал. Совершенно трезвый и безо всяких мыслей. Лежал принципиально для себя и никого не трогал. У меня не осталось сил разобраться в ситуации, и не осталось их, чтобы просто принять. Оказалось, для этого они нужны тоже. Иногда их нужно даже больше.

Картина со стороны совершенно странная, но дальнейшие действия по степени гениальности достойны легендария Д.Р.Р. Толкина. Настя ложится рядом, не проронив вообще ни единого слова. Вот: упали и лежим. Этим она вынуждает меня встать и поднять ее. Спину охлаждать нельзя: ей детей рожать. Не моих детей, но чужих для меня не существует, и Настя это знала. Больше мы это никогда потом не обсуждали, но теперь я понял, как может выглядеть урок на всю жизнь.

По правде Настя сама лишь обиженный ребенок, скучающий по отцу. До сих пор, когда она садится ко мне на колени, в этом нет секса. Она девочка на новогодней елке, которой не достался подарок, и она прибежала к отцу. Сидит в костюме зайца и обижается на остальных детей. Только ей двадцать два года уже.

Тем не менее не все оценили её попытки жить, а не выживать. Одногоруппники смеялись, и она пряталась. Зажимала руками грудь, пытаясь подавить паническую атаку, а в ответ: «Это потому, что никто другой тебя за грудь не держит». Едкий смех – оппоненты тоже что-то компенсируют. Очевидно. По полчаса Настя задыхалась на полу в полной темноте, и вот это уже небезопасно. Мало кто замечает, сколько труда за видимыми успехами. Проще высмеять, чем скорректировать принципы и присоединиться к благому. Так с ней и поступали. Сознание затапливало, как **Изенгард**.

Я понимал, что происходит внутри у каждой. Нигде так не одиноко, как на сцене. Микрофон – как валирийская сталь в потной ладони. Ты стоишь и хочешь себя съесть. И тут уж не работают ни осознанность, ни принятие. Срываешь пломбы с собственного самолюбия, а внутри пусто. Эго рассыпается на фракталы. Каждый раз, сколько бы ни выходили. Это не чинят, это не лечат. Толпа грабит бессовестно, как ребенок. Потом учишься не показывать, но молчать – не значит не чувствовать. Помните. За этим всем огромный объем работы, которого не видно. Как на федеральном телевидении: плюнули и пошли укладывать детей спать.

Только много позже я узнал, что в стране не существует института продюсирования, а в самой среде фактически отсутствуют профессионалы, несмотря на то, что соответствующие направления высшего образования существуют и достаточно популярны. В чём дело? В том, что возникает острая необходимость быть отцом, и никто технически не может дать вам этого навыка. Едва получив заветные корочки, люди быстро осознают, что не могут найти вход в индустрию или сталкиваются с тем, что все их инструменты бесполезны, если нет абстрактного мышления при высочайшем уровне ответственности. И людей нужно любить, но не всех, а конкретных.

Мы ругались с менеджерами, родителями, директорами. Жизнь летела мимо топорами. Пару лет в дорожном аду, где демоны девочек всегда были громче моих, я получил справедливо.

Было много моментов, которых не видно под вспышками фотокамер. Например, после выступления Настя уходит со сцены – я по коридорам иду за ней. Молодая звезда открывает дверь в гримерку, где нас ждут, и оседает на колени. Её трясет. Ногти соскребают лак с ножки стола.

Люди вокруг потерялись ещё больше меня (они не понимают, а я понимаю), но мне поворачивать назад нельзя. Я падаю рядом, группирую её, зажимая руками. Настя должна чувствовать тепло человеческого тела, иначе приступ не снять. Забираю её, будто маленького ребёнка. Слова в эти моменты не работают совсем. Афганистану всё равно – Обама или Буш. Я дышу

ей в затылок, и меня самого начинает колотить от запаха человеческого тела. Представляется малый круг кровообращения. Слежу за её дыханием.

Девушка затихает: «Господи, спасибо». В висках метрономом стучит кровь. Настю включает. Она поднимает голову:

– Что за гадюшник? Где я?

– В аду, – шутит кто-то.

Если бы мой взгляд в этот момент сфотографировали, было бы здорово. Потом сказали, словно с демоном поздоровались. А Настя забыла всё, что случилось до этого. Мозг, дабы сохранить рассудок, обнулil последние часы жизни. Мне нельзя было плакать, ведь на меня была вся надежда, но хотелось. Мне страшно, и не за себя. Я понял, где она побывала. Оттуда не всегда возвращаются.

Я жестом, чтобы этого не видела Настя, прошу позвать врача или позвонить в скорую. Полчаса мне приходится держать подопечную. Она не виновата, что ей страшно, и этого сейчас не контролирует – контролирую я. Приезжают халаты, находят вену, и Настя засыпает на 12 часов прямо в гримерке. Я рядом на полу.

Или вот: мы возвращаемся после концерта в Нижнеудинске обратно в Иркутск. Трасса ноябрьская, скользкая, снег размазывается по лобовому стеклу. Навстречу между полос, стараясь удержаться, несется стальной объект. Единственная мысль проскочила – хватит ли моей спины, чтобы закрыть Настю от удара. Не знаю, как я собирался закрывать, ведь пристегнут был. Да и насколько это эффективно? Встречную машину мы вскольз поймали передним левым краем. Ремень ударил по шее. Тело с третьего ряда через нас улетело к водителю. Слева осыпало осколками битого стекла и повеяло январским холодом. Всё, выключили.

Очнулся, когда щупали пульс. Затылком чувствую лед. Ну, хоть бы подложили что-то. У меня пульс нащупали. Бессвязно промычал – живой. Все живы. Очнувшись и убедившись, что цел, поинтересовался у врача, что с Настей:

– Всё хорошо, ссадины и небольшое сотрясение. Не беспокойтесь.

До утра внутри будет что-то дрожать. Буду вспоминать лучшее и благодарить судьбу за то, что не отняла возможность накопить еще больше моментов. Позвоню Лильен, чтобы справиться о ее самочувствии:

– Что с токсикозом? Боже, храни плаценту.

Тесно между детством и тестом на беременность. Можно воспринимать дословно, можно метафорично. Так я отвечаю всем, кто вообще никуда не торопится и не видит родных у себя под носом. А потом: «Дать бы нам хоть день с усопшими, мы бы успели всё, чего не успели за годы вместе».

Ему забрать у тебя всех, чтобы ты смог ценить их? А, Малюта Скуратов?

Кто-то в работе продюсера, особенно самодельного, которую я взвалил, ничего не понимая, видит только пикантность, шутит про постель, деньги и про то, как Настя стояла передо мной и просила помочь с платьем: «Ну не сидит вообще».

Я опускаю плечо, беру полностью ее левую грудь и вправляю в платье ровно так, как должно выглядеть. У наблюдателей стекают слюни, словно в желудке растворяются транквилизаторы. Всё остальное опускается. Разумно, как для недалновидных. Им сложно будет понять, почему мы не стали такими, как все. А нужно ли?

Мы – клан маргиналов без устава и с пропиской от Петербурга до Сахалина, где Настя – мой лучший нарисованный роман. Я взял ее наивной семнадцатилетней девочкой, и с тех пор сменилась не одна эпоха, как при Елизавете Второй. Настя вошла гадким утенком в мою реку странных фантазмагорий, что глубже родного Енисея, и вышла черной лебедью. Кому-то кажется, я создал монстра. Если так, то горжусь вдвойне. Браво, Настя Озборн.

Если дали и силу, и талант, то назад попросят вдвойне, ведь талант без силы – ничто, и наоборот. Так Настя сказала. Если это верно, то второй талант, который я должен вернуть – сама Настя.

Локальный бестиарий.

Первой сломалась Юля. После серии конфликтов с родителями и молодым человеком заперлась в квартире и ушла. Ей внушили, что она убогая, и та поверила. Ушла, даже не закрывая входную дверь. Юля заблудилась в собственной душе, как в лабиринте Фавна, и только поэтому не превратилась в посредственность. Но, не превратившись, жить порою катастрофически тяжело. И теперь мы с Настей замороженно смотрели, как кровь свернулась по краям остывшей в ванной воды.

Никто не смог ничем помочь. Кто-то не захотел. Мир людей, готовых подраться даже на чужих похоронах, покрывая собственное самолюбие. Мне же ближе Андрей Рублёв, но я не оценил серьезность ситуации. Мы – внуки Византии с руками жестоких и лицами серьёзными. Это окончательно запустило болезненный процесс обучения важному: обращать внимание на тех, кому плохо. В этом всегда будет больше Бога, чем в самой Библии.

Лильен держалась молча – она биолог. Настя выла – она певица. Алиса материлась – она филолог (мечтала им быть). Я технично создавал видимость неотвратимости божьего промысла. Если я дам слабину, то хватит ли нас надолго? Но я тоже всего лишь человек, имеющий определенный ресурс и нуждающийся в одобрении действий. Сколько я могу постоянно отрицать своё право на срыв?

Оказалось, то был первый акт пьесы. В этом же феврале от опухоли умирает Лилия из театрального. Хоронили ее в Абакане. Процессия неуклюже пробиралась между неровными рядами могил старого кладбища. Снег падал необычайно крупными хлопьями. Я слизывал их с губ, концентрируясь на легком холодке на кончике языка...

...Я единственный поцеловал Лилию в лоб – это последняя возможность. На этом моменте её мать зарыдала ещё сильнее и отвернулась. Привкус воска как символ образца и ценности самой жизни:

– Закапывайте.

В такие дни всё становится каким-то более важным, и на следующее утро просыпаешься уже не ты. А может, я сам давно где-то умер, и в сентябре мне приносят к граниту мои любимые астры и оставляют на краешке прикуренную сигарету?

Таблетки алпразолама растворялись в стакане с виски, дрожащем в руках у Маши. Нужно эту боль компенсировать. Компенсировать – она постоянно это делает. Приступ рвоты, вызов скорой. Я вношу предложение по очереди всем дежурить у нее дома, но оказываюсь единственным, кто будет делать это регулярно. Настя окажет моральную поддержку.

Маше тогда поставили приобретенное биполярное аффективное расстройство, а мне – нет. Но почему я настолько хорошо ее понимаю? Видимо, врач не поверил, что к нему пришли сразу два человека с одним и тем же. Пришли и сидят. Очевидно, девушку он просто пожалел.

И вот как раз в этот момент на сцену снова выходят алкоголики из общежития на Мичурина. Не помню, какая мелочь приключилась, но зачем они напомнили о себе? Я компенсирую чувство несправедливости, и знакомые мне сотрудники Росгвардии в роли эмиссаров Римской империи врываются на пятый этаж и карают пророков Диониса казенными прикладами и личными травматическими пистолетами. Никаких протоколов. Не знаю, за что я попытался отомстить. Когда-то эти персонажи делали Лилии очень больно. Когда-то они ругались с Машей. И вот, якобы, справедливость восторжествовала. Но нет. Да и не осознали они.

Я начинаю оступаться. Так ребенок внутри меня, не взрослея, становился сразу старым. Мир качнулся палубой крейсера при бортовом залпе. Дорога из желтого кирпича привела в город, вымощенный золотом во тьме, но в гостиничном номере покойник. Меня встречали на въезде в Пулково у второго шлагбаума. Меня увозили в Емельяново и в Толмачёво, а я не чувствовал вообще ничего. Смотрел в лес. Я не чувствовал кожаного салона под ладонями – руки онемели. В номерах отелей на меня смотрело ледяное шампанское, и я лил его не в себя, а на лицо, чтобы протрезветь.

Я пустой, будто Иордан в июле. Где мой дождь? Наполните немного. Лейте уже хоть воск.

Я накручивал спагетти на вилку, пытаюсь раскрутить себя. Твердил: «Вполне возможно, что иначе никак». Тем более людей не воскрешают, и есть вещи, которые нужно пережить. Просто пережить, то есть никаких секретов преодоления тут нет. Молись, чтобы тебя поддержали и вытерпели те, кто не прочувствовал того же.

С бутылкой рома вдали от бед. Напиваюсь до комы, страдая, что во мне из положительного только резус-фактор. Зарекаюсь, что ближайшие дни не смогу, но к вечеру абсисцентный синдром берет за горло, и снимаю его я новой бутылкой рома. Курю на балконе и пересчитываю этажи дома напротив. То ли двадцать два, то ли двадцать три – каждый раз выходит по-разному. Напиваюсь, чтобы не беситься от чужой глупости. Напиваюсь, чтобы не глупить самому.

Жизнь циклична. В конце марта двадцатого года Лильен родила дочь, которую мы решили назвать Ариадной. Я прорвался на роды, несмотря на начинавшуюся пандемию и запрет самой роженицы. Многие женщины оказались бы рады такой поддержке, но милее я снова не стал. Злость сдавливала меня. Я чувствовал себя, как в автозаке после митинга: настоящее тесно, будущее сомнительно.

Сам дьявол бы не разобрался, за что я так ценил Лильен. Может, дело было в черных волосах? А может, в ее таинственности? Или мы так сильно похожи, что нас это пугает? Или включился инстинкт? Она родила мне дочь, а это уже не шутки. Тем более, что я всегда мечтал именно о девочке. Я видел прекрасных женщин, и знал, что с ними делать, а сильных примеров проявления стойкости и веры среди мужчин почти не попадалось. Более того, моя собственная чуткая натура была чужда всему грубому, а девочки – это нежность.

Не помню, как мы докатали весенний сезон. Выступали на чьих-то разогревах, спорили, не спали сутками. В июне меня выставили из университета прямо накануне защиты диплома. И до сих пор считаю, что несправедливо. В тот момент я вдруг понял, насколько не гожусь для семейной жизни. Возможно, меня дожала постоянно отвергавшая моё тепло Лильен. Даже дочь я видел крайне редко. И то, что я не мог никак объяснить такого отношения, меня пугало. У меня началась послеродовая депрессия. Забавно, ведь рожал не я.

Так, мы дошли до пустошей **Горгорота**. От **Ородруина** нас отделяют лишь **Мёртвые топи**. Легкая передышка.

У меня польские корни, и в июле я улетел на несколько недель в Варшаву. Да, тот самый побег от всего, поиск нового, генетическая ностальгия и полный набор социальных экспериментов. Не найдя инструмента, дабы пробить стену, я решил ее обойти. Что мне это дало? Конструктивно, ничего. Зато я теперь на слух почти дословно понимаю польский, чешский и украинский. Чужих историй в копилке так же прибавилось.

Понял: страшно не то, что российское общество очень безграмотно, а то, что оно не умеет учиться. И я сейчас не про навыки чтения. Тысячелетняя крепостная страна. **Россия верит не в Бога, а в то, что можно делать, что угодно, или не делать ничего, и попасть в рай.**

Здесь единицы судятся за бесплатные лекарства для единственной дочери, больной лейкемией, пока большинство не верит ни во что, а лишь плачет о старых болезнях.

Дальше я вернулся в деревню, в которой вырос. Это не деревня в традиционном смысле, конечно. Скорее метафора. Но небольшой зауральский город после увиденного уже не вдохновлял. Как ни старался, но боль не проходила, и я совершил еще один побег – в Петербург. Мысли о Сибири меня пока больше не посещают.

Я устраиваюсь работать журналистом, имея достаточно смутные представления о профессии. Как всегда. Остальное претило. Помогли добрые люди, а я наивно посчитал, что у меня много времени, и нужно занять голову тем, что никак не связано с прошлой жизнью. Признаю, что идея была бесперспективна по своей сущности, но случай хирургически точен. Именно в офисе спустя время я познакомился с еще одной занимательной татаркой. Ее звали Софьей. Родилась она в городе Свободный Амурской области, а в Петербург попала от скуки. Софа разбавляла рутину, и именно она убедила меня в том, что что бы ни случилось, нужно продолжать писать: дорогим людям, качественные тексты и историю собственной жизни. И она напомнила давно забытую истину: главное оставаться счастливым только сегодня, ведь завтра никогда не наступает.

Именно в Петербурге я закончил начатый и дважды удаленный первый роман. Посчитал, что готов, и восстановил по памяти. Именно в Петербурге я написал массу всего еще и вернулся к работе менеджера по ведению социальных сетей. К тому моменту я уже успел окончательно бросить помогать в продвижении даже своим сибирским девчонкам. Настя, Алиса и Маша на момент стали каким-то анахронизмом. У меня почти получилось избавиться от прошлой жизни, вот только одного я не учёл: я избавился не только от тяжести, но и от крыльев.

Софа стала своего рода моим менеджером. Язык подвешен, и она с демонической легкостью находила тех, кому нужны тексты, мини-сценарии и тому подобные вещи. И именно она дала понять, что мне пора начинать свой долгий путь домой:

– Петербург – это хорошо, но дом – это не город. Тебе здесь пока места нет.

Северная Пальмира стала моей розеткой – это чистая правда. То, что я провел там полгода, было закономерно. Иначе бы я просто перегорел. Петербург позволил мне написать новую дипломную работу по теме, которая была бы мне недоступна, не окажись я так надолго там. Петербург породил огромное количество мыслей и дал провести корректировку оценки окружающего мира.

Я уже говорил, что многие не хотят развиваться, а лишь ждут, когда естественным образом освободится место повыше. Но есть другой сценарий, согласно которому одни люди используют других, заворачивая свою корысть в обертку от дружбы, любви и чего-нибудь подобного. Правда в том, что людям, которые переломали половину собственных костей на пути к миллиону долларов, не нужны те, кто ищут себе только славу и кошельки. Им нужны такие же. И дело как раз не в кошельке – оно в голове. Такие знают цену своим действиям. Человек же, ставящий целью просто присесть рядом, безответственен, и быстро превращается в истерическую обезьяну Берроуза. Во-первых, таким всегда оказывается мало. Зальем это соусом из лжи и иллюзии чувств (к удобному положению), и будем наблюдать, как мартышка разносит всё вокруг. А виноват окажется всё равно «бесчувственный мажор», потому что это он позволил к себе пристроиться. Поэтому лучше оказаться виноватым сразу, чем еще и потерявшим время, силы, авторитет и деньги.

Изначально согласились развиваться в основном только те, кто потом ни разу за все годы даже заплатить за свой кофе не даст просто так. Это отношение к жизни. Вот и думайте, ребята, на чьей вы стороне.

Перед возвращением в Новосибирск нашел старую фотографию, на которой от многих приятно пахнет водкой. Одна из тех фотографий, которые нельзя рассматривать в священном безобразии старости. Я вон тот, который повыше.

Мы каждый день выбираем, быть нам счастливыми или недовольными? С одной стороны – всё так. Но никогда не говорите этого людям с органическими повреждениями мозга. Им выбирать очень сложно, хоть и хочется порой. То, что вы называете плохим характером, может быть видно при исследовании мозга.

Весной я вернулся в Сибирь. Защитил диплом, забрал военный билет и снова встал во главе своего татарского каганата. Девочки к тому моменту уже заканчивали дирижёрское, а Настя выбирала, куда поступать: в Москву или в... Петербург. Я понимал, что ей необходимо развиваться. У нее виделся колоссальный потенциал, но становилось немного печально, будто я упустил целый год, который мог разделить с ней, и вернулся тогда, когда естественным образом всё начинало меняться. Для чего я набирался сил?

– Мы остаемся здесь, – гордо заявляли Маша с Алисой.

Но судьба снова доказала, сколь много у нас на нее эфемерных планов. В Москву Настя не поступила, и я повёз ее в Петербург. Помню, как Настя дрожащими руками сжимала свою гитару перед показательным выступлением:

– Не поступишь, так домой поедем. Мы все знаем, что ты много чего можешь, и ты всегда самая лучшая.

Право слово, почему она так волновалась? Сколько раз мы уже выходили на сцену? Сколько тысяч человек ежедневно видели ее в интернете? Казалось, что высшее образование не так уж и важно. Сколько людей на российской сцене имеют его? Хорошо, если хотя бы половина.

На вокальное отделение Настю взяли, и при том на бюджет. Выбежала, как ошпаренная, чуть не разбив об пол гитару. Я обнимал ее и молча грустил. Так незаметно сменяется еще одна эпоха. Вчерашние дети скоро станут седыми, а мы и не заметим. Я был рад за нее совершенно искренне. Когда все отдыхали и запивали коньяк соком на ее же Дне Рождения, Настя собиралась и шла на запись вдоль тополей к своему старенькому Senheiser'у, что так любил её голос. Она всегда была самой достойной из нас.

В Красноярске отпраздновали общий выпускной: Настя, Алиса, Маша. Настю искупали в Енисее – традиция с тех пор, когда та еще не умела плавать и лезла в него сама. Маша осталась на Родине, а Алиса решила закрепиться в Новосибирск в память о покойной Лилии. На Настю я спокойно смотреть не мог. Не знаю, верно ли я объясняю. В тот момент, когда вся страна слетала в ад на тормозах, меня волновало только личное. Память пришла в душу с фонариком и подсветила запылившиеся уголки. Настя уже большая и научилась принимать свои страхи, как родителей:

– Спасибо тебе, Вовий.

Добрая грусть. Мы переживали очень трогательный период, а в это время где-то рядом тлел мой давний друг, которому не давали покоя ни появившиеся у меня деньги, ни общавшиеся со мной девушки. Иногда так случается, что человек коронует сам себя чужими руками, как Наполеон Бонапарт. Но мы в ответе за тех, кого приучили в равной степени, что и за тех, кого приручили. Поэтому со Славой пришлось расстаться.

Двадцать лет дружбы, рухнувшие после первого отказа, доказали, что тонкость становится неподвластна мне. Я часто без стеснения стал задевал тех, кто не хочет разговаривать честно и по существу. Осознал: моё ближайшее окружение всегда было намного умнее в этом плане, и мы закрывали тем самым слабые стороны друг друга. С обратной стороны – я лишился возможности действовать иначе, еще когда добровольно возглавил свой татарский каганат. Ответственность за женщин порождает необходимость в умении быть жестким, а местами и

агрессивным. Не все люди приходят к тебе с миром, и тем более не все с бескорыстными намерениями.

Когда появились деньги, я резко попал под перекрестный огонь между «Фу, мерзкий мажор» и «О, щедрый мажор». Деньги портят людей, но в большинстве случаев именно окружающих. Я понял, что не все будут относиться, как раньше, и далеко не у всех отношение изменится в лучшую сторону (а даже если в лучшую, то не факт, что вас самих это будет устраивать – театральность ради выгоды почувствуется).

Поколение твердит, что видит Бога на коленях, отказываясь признавать, что стоит перед зеркалом. Ошибка поколения. Единственная амбиция: заполнить весь Porsche вязким туманом, променяв дешевое высшее образование на дорогое нижнее белье, а потом обнимать подушку и плакать, что никто не любит. Сначала упиваться своим отражением в зеркале, а затем бояться к нему подойти, когда над головой клином взойдет возмездие. Страшно, ведь там можно увидеть единственного виновника. Сложно будет вздрнуть себя на петле гистерезиса и сказать, что всемирный праздник любви к себе окончен. Дорога начнет разрушаться под ногами идущего, и начнутся попытки доказать свою ненависть и любовь всем подряд, но навык хоть того, хоть иного уже будет потерян. Я знаю, о чем говорю. Правда.

Волны истерии, а я стою за кулисами со стаканом кофе, пока кого-то пьяным выносят на руках из клуба.

Когда мы ездили на Дальний Восток, питерские друзья всегда писали нам, что мы отправляем им телеграммы с Марса – разница во времени чудовищная. Так я и назову следующую главу с совокупностью некоторых писем и мыслей, накопленных мной за те годы существования в разношерстном обществе, но не вписывающихся в сюжет.

Телеграммы с Марса.

Для людей со стороны ретроспектива может оказаться абсолютно не поучительна, и я это понимаю. В постоянных разъездах я уступал место на кроватях и засыпал рядом на полу:

– Ты вообще больной, Вова? – обычный вопрос от других мужчин. – Ты даже не спишь с ними. Да и вообще не православно ночевать с чужими женщинами.

Язык ваш – враг ваш. Жаль, что многие не видят противоречий в собственных претензиях к другим людям, и с какой стороны ни возьмись, вам все не так. Ладно, в конце концов стигматизировать и мерить жизнь категориями секса не только не православно, но еще и не дипломатично. Да и вообще я католик. Просто ведите себя корректно.

Давать новую жизнь – чистое вдохновение. Только внимательней будьте, пожалуйста, кому вы пытаетесь ее подарить. Из вас ее могут высосать и превратить снова в старую.

Помню, в самом сердце необъятной великой Сибири Лильен на лобовое стекло прилепили сразу две наклейки «СтопХАЧ». Конечно, это не бодрило мечты, как тело не бодрят пара часов сна. Оскорбительно само по себе, словно Валтасар вернулся устроить плебсу последний пир, и таким образом рекламирует предстоящее мероприятие. Но она ведь даже не из Средней Азии. Она просто татарка. Кстати, татары – коренное население не только Поволжья, но и Сибири. Хотя услышали бы меня те, кто это клеил? Думаю, нет. Посмеялись, вызвали специалиста, который снял это великолепие, и поехали по своим делам. Надеюсь, сыны великой России, сделавшие это, остались довольны и посмеялись тоже, ибо не хочется множить ненависть. Тем более, что с наших гор хороший вид.

Существует огромный подлог всей интернет-индустрии развлечений, который некоторым неочевиден. 90% текстов у крупных лидеров мнений пишут не они. Иногда они их лично даже не читают. Три четверти роликов о жизни – театр. Почти все проговаривается заранее, даже если это потом выглядит натурально. Причин этому явлению множество – кто-то абсолютно не креативен сам по себе, но харизматичен, другой совершенно не дружит с языками и не может писать сам, а кто-то ленив и амбициозен одновременно. Крупные блогеры заказывают посты, потому что уже могут не успевать, а некоторых тешит то, что на них кто-то трудится. Ситуации разные, но итог один – это индустрия, а не творчество. К сожалению, виновата в этом сама аудитория, приучающая себя к сладкой лжи и манипуляциям.

Помню, подростковый максимализм подсказывал мне, что рождён я от Бога, а потому было противно ездить куда-то на автобусе. Когда я вырос, то понял, что Бог бездетен. Многие блогеры-миллионники больше не люди, а лишь часы и куртки. И они готовы платить сотни тысяч за режиссирование своей жизни, чтобы зарабатывать миллионы на партнерских контрактах.

Они находят не очень успешных, но душевных писателей и журналистов, чтобы им нарисовали более приятную картинку: «Ну нужно, чтобы расстрогались те, те и эти... А сегодня он хочет, чтобы ему побольше написали вот эти... А сегодня день вот для этой части аудитории». Это называется «бэк-офис», и пошло это выражение из пресс-служб корпораций (сам работал и знаю). И люди с большой аудиторией могут просто заходить домой вечером, снимать худи Carhartt и ложиться в джакузи со словами: «Как эти дегранты уже все достали», при том, что в сторис они всегда говорят: «Мои дорогие, я придумал». Нет, не он. Да и не такими дорогими вы можете быть. Переиди им дорогу, и они приедут в country side с прикомандованной Росгвардией и положат вас лицом на кафель.

Раньше интернет был зоной полной свободы, но он все больше превращается в федеральное телевидение и теперь еще и под федеральным надзором. И рынок уже почти насытился. Он вот-вот схлопнется и начнет бронзоветь.

Тексты заказывают и простые люди – хотя и выглядят душевнее, но часто подлог раскрывается, стоит им открыть рот в реальной жизни. Заказывают харизматичные, но скупые на слово журналисты.

Разница между театром и многими блогами все же есть. В театре почти всегда актеры подбираются под готовый текст, а здесь – скорее наоборот. Тексты и планы прописываются максимально органично под психотип блогера. Но постановочной сути это никак не меняет. Нужно соответствовать правилам. Иногда странным, ведь толпа разная и сложная. Но нужно.

Где здесь кроется проблема? Я начинал со слов про максимализм. Тысячи людей губят себя в погоне за подложными возможностями обогатить себя или свой внутренний мир, которые предлагают актеры-блогеры. Их уничтожает нарисованная role model. Важно понимать, что многим публичным личностям дорисовывают жизнь, как персонажам книг или сериалов, специалисты. И эта жизнь не так уж и реальна, как кажется.

Не пропустите, когда начнут осыпаться фасады. И берегите себя.

Я доношу мысли «на заметку», объясняю, что происходит, и снимаю вопросы к близким. Зато прямо – по крайней мере, я все показал и озвучил, а дальше сами. Но все ходы записаны. Эти люди – мой личный Ривенделл, который я благословлен оборонять.

Говорить всё вслух или в текст – здорово. Большинство видит только то, что надеется увидеть, дабы подтвердить свою точку зрения. И точку эту расширять многие взрослые уже не хотят. Проведя пару провокаций, я доказал девочкам, что это так и есть, чтобы они

не боялись жить, постоянно оглядываясь на негативную оценку людей, которые не влияют физически на ежедневную жизнь никак. Они младше, и я должен был их научить.

Занятная вещь выходит: внимание привлекает истерия, которую все принимают за здоровое самовыражение. А спокойных и рассудительных принято линчевать: скучно и подозрительно. Буйные психи и абьюзеры понятны, а от тихих не знаешь, чего ожидать. Но, казалось бы, это наоборот должно вызывать желание разгадать ребус человека, как мне Лильен, но не всё так просто.

Обижен ли я на кого-то? Совершенно нет. Наоборот, я овладел искусством самоиронии, и не моя проблема, что кто-то – увь. Но этого, подозреваю, кому-то тоже во мне не разглядеть при личном общении. А вот писать получается, чем я и занят. Жалуюсь ли я? Да нет, просто рассказал, кому не дай Бог интересно. И мне плевать, что вы будете с этим делать. Просто надеюсь, что никого не задел и не обидел, но, как говорится, поживем – увидим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.